

ТАМАРА КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО

ЖИЗНЬ МОЯ ЗОЛОТАЯ

ПОЧЕМУ

Почему облака не ложатся на землю?
Почему они в небе, как птицы, парят?
Почему и куда отступают метели,
И синее небес ручейки и моря?
Почему только в мае кукует кукушка
И считает года, говорят, а кому?
Почему так люблю я из детства игрушку —
Самодельную куклу — никак не пойму.

И люблю не дворец, а мой дом в три окошка;
На окошках краснеет-белеет герань,
На завалинке дремлет с котятками кошка...
Босиком я вступаю в рассветную рань,
До зари, чтобы встретить её и приветить,
Вот моя панорама — крыльцо и окно:
Дрогнет занавес ночи и робко осветит
Первый луч тихо-тихо, а вот и оно —

КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО Тамара (ГУСАЧЕНКО Тамара Ивановна) родилась 1 апреля 1948 года в деревне Щепятино Брянской области Брасовского района, окончила филологический факультет Брянского и логопедический факультет Минского государственного педагогического института. Автор 20 книг. Лауреат Международных литературных премий. Член Правлений СП Беларуси, председатель Витебского областного отделения ОО "Союз писателей Беларуси" с 2005 года. Живёт в Витебске.

Солнце, чуть показалось, опять, снова — чудом,
Сквозь лазурь, что налита в прозрачный стакан
Утра, вспыхнет, сверкнёт, полыхнёт изумрудом...
И, пульсируя, света польётся река.
Я всю жизнь одного неизбежно хотела:
Уложить этот свет на невиданный холст,
Только красок таких не нашла, не сумела.
Много лет мне, но снова всё тот же вопрос:
Почему облака не ложатся на землю?

СТАРЫЙ ДУБ

Сколько лежит на ветвях твоих зим,
Дуб мой, могучий и древний?
Сколько ты соков корнями испил,
Чтобы шуметь над деревней?
А желудей сколько ты поронял —
Где же дубочки? Не видно.
Видно, их ворон голодный склевал...
Разве тебе не обидно?
И не пожалишься: “Раны болят”, —
И не попросишь ты крова...
Крону ломая, сугробы лежат,
Бури, морозы суровы.

Ты же стоишь, как всегда, величав,
Древний, могучий, и только,
Снега подушки на ветви набрав,
Плачешь в них — молча и горько.

ЖИЗНЬ МОЯ

Жизнь моя, жизнь моя, золотая моя,
Золотая — от края до края!
До последнего вдоха от первого я
Всю люблю тебя, всё принимаю.

Принимаю, как первый свой крик на заре
В той апрельской сияющей дали,
Всё, что было потом, в сентябре, декабре,
Где и пели с тобой, и страдали.

Жизнь моя! Как бессмертны уроки твои,
И дары золотые бесценны:
И рожденье детей, и рассветы, и дни —
Всё задаром, и всё — неизменно.

И когда отнимала дыханье моё,
В жертву сына забрав летней ночью,
Принимала тебя: что моё — то твоё.
Не перечу тебе. Не порочу.

И от первых шагов до горячих седин,
Жизнь моя, ты одна — золотая!
До последнего вдоха от первого я
Всю, родную, тебя принимаю.

Да и кто тебя примет? Ведь ты же — моя.
Потому — всю: от края до края,
Я тебя не предаю, никому не отдам,
Ты ж одна у меня. Золотая.

МОЛИТВА

“Отче наш!” — молилась я на зорьке.
И ответил Бог: “Могу простить.
Всё исполню! Ты подумай только,
Об одном проси...” О чём просить?!
 Попрошу, конечно же, здоровья!
 Не болеет тот, кто не живёт.
 Вечной жизни? Для рождённых с кровью
 В вечность есть один лишь только вход.

Попрошу любви! И пусть мой любимый
 Лишь меня милует целый век,
 И ни на кого не смотрит, губы
 Лишь мои целует! Человек
 Вольный и свободный — мой любимый,
 Не хочу неволить я его
 Всемогущей волей. Счастье — мимо
 Дома ходит, попрошу всего

Счастья, что живёт на белом свете!
 Значит, у кого-то отнимать?
 Нет... А попрошу я доли — детям,
 Чтоб суммы и горя им не знать!
 Дети не научатся трудиться,
 Радости труда я их лишу...
 Господи! О чём же мне просить-то?
 Всё не то, о чём ни попрошу...

Вот ожил бы сын мой! Мама встала!
 Против Высшей воли — что скажу?
 Или чтоб враги друзьями стали?
 Боже, нет, об этом не прошу.
 Попрошу богатства... Только — что же,
 Ведь его с собой не унести.
 Господи! Пошли мне разум, Боже,
 Чтобы всё, что дал, перенести.

ПАСХА В ВИТЕБСКЕ

Нежностью берёзы просветлели,
 Зеленью на синей панораме
 Неба отпечатались, запели,
 Заиграли праздничные гаммы

Птицы в рощах, змейками тропинки
 Побежали с горок торопливо,
 По ручьям узорчатые льдинки
 Прячутся под кроны жёлтой ивы...

Золотятся водостоков трубы,
 Пенятся, бегут с холмов потоки,
 И Двина целует прямо в губы
 Сладкие весенние притоки.

Пасха... Дождались её не все мы.
Сторожит кладбища свежий холмик
Чьи-то сны, уснувших не на время,
Спящих — навсегда, об этом помни.

Постигая жизни быстротечность,
Радуйся! А если ты не можешь,
То зачем и жить, зачем и вечность
Зря своими песнями тревожить?

ДНИ ВЛЮБЛЕННОСТИ ЗОЛОТЫЕ...

...Где мыслил я и чувствовал впервые...

Ф. И. Тютчев

— Что ты бродишь по пепелищу?
Что ты плачешь в родном краю?
Что отчаянно, горько ищешь?
— Ах, ищу я тут жизнь свою,

Дни влюблённости золотые,
И свидания первого свет,
Только избы давно пустые,
Ни следа и ни звука нет.

Нежно глажу крышку колодца,
В нём давно зацвела вода.
Где-то там, на дне, встрепенётся,
Всколыхнётся моя беда...

Она канула в эти недра
И уснула на самом дне,
Вот — опять — не хватает неба,
Не хватает воздуха мне.

Только ветер. Зелёный ветер.
И вселенский, зелёный шторм...
Мимо — жизнь в золотой карете,
Не поможет ничто, никто

Мою молодость — хоть глазочком! —
Увидать, где любовь моя?
— Ма-а-ма! — мне закричала дочка...
Оглянулась, а это — я.